

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

НАРОДНЫЙ ГУБЕРНАТОР

По каким причинам именно к нему в Калугу приезжают, чтобы побеседовать с ним, многие знаменитые писатели, журналисты и телезвезды России – Александр Проханов, Юрий Поляков, Владимир Соловьёв? Почему едет к нему из Краснодарского края создатель всемирно известной “школы третьего тысячелетия” академик Михаил Щетинин, а из Франции – легендарный кутюрье Пьер Карден, из Америки – экономический гуру, один из самых успешных бизнес-мыслителей западного мира Ицхак Адизес, а из Москвы – народная артистка России Светлана Дружинина?

Почему именно перед ним с готовностью раскрывают свои объятия “Аргументы и факты”, “Литературная газета”, журнал “Наш современник”, “Учительская газета”, не говоря уж о различных телеканалах и сайтах? Почему за последние три-четыре года ему пришлось провести более 30 бесед с людьми куда более известными рядовому россиянину, нежели он сам? Ведь он не медийный кумир, не человек из списка журнала *Forbes*, не выдающийся политик. Он всего лишь один из 85 губернаторов России, руководящий небольшой и не слишком богатой Калужской областью.

Его беседа с тележурналистом и писателем Владимиром Соловьёвым, прошедшая в октябре 2011 года, начиналась так:

В. Соловьёв: Нефть в области есть?

А. Артамонов: Нефти нет...

В. Соловьёв: Газ есть?

А. Артамонов: Газа, слава Богу, нет.

В. Соловьёв: Природные ресурсы – уран, медь, никель – есть?

А. Артамонов: Нет.

В. Соловьёв: Тогда объясните: за счёт чего получилось то, что уже сейчас во многих книгах называют “Калужским чудом”?

А чудо начиналось с того, что в России в 2008 году на первое место по темпам промышленного роста вышла область, лишённая природных богатств.

Когда же в 2008 году мировой финансовый кризис потряс Россию, и федеральный центр, спасая регионы, выделил из резерва громадные деньги, Калужская область обошлась без федеральной помощи.

В 2010 году, когда Россия изо всех сил боролась с мировой финансовой катастрофой, калужане опять заняли первое место по темпам развития.

И недаром Владимир Путин во время посещения завода “Фольксваген” заявил на всю страну, что калужский пример “убедительно показывает, как можно практически с нуля создавать новые индустриальные центры, активно привлекать новые технологии, открывать дополнительные хорошо оплачиваемые рабочие места...”.

Впрочем, он мог сказать то же самое, посетив построенные на калужских землях заводы “Самсунг-электроник”, “Нестле”, “Вольво”, “Пежо-Ситроен”...

Но какова была природа энергии, рождавшей эти и многие другие очаги возрождения жизни на калужской земле?

На вопрос Владимира Соловьёва, попросившего объяснить, в чём “тайна Калужского чуда”, наш губернатор ответил просто и ясно: “Это можно сделать только если не на словах, а от сердца, от души любить то место, где работаешь. Я здесь родился. Здесь живу. Все мои родные здесь живут. Для меня лично принести пользу моей земле, моей Родине – это высший смысл моей жизни”.

Тут Соловьёв удивился: “Вы какой-то немодный губернатор. Модный губернатор рождается в Питере, приезжает в какую-нибудь губернию ненадолго, понимая, что их надо за уши вытянуть. В крайнем случае, он живёт в Швейцарии и летает туда на выходные...”

Калужский же губернатор, в отличие от администраторов из породы “перекати-поле”, которыми высшая власть затыкает кадровые дыры и прорехи, живёт по мудрой русской пословице: “Где родился, там и содился...” Хотя он по праву заслужил славу умелого менеджера всероссийского масштаба, Анатолий Дмитриевич, тем не менее, понимает своё судьбоносное предназначение: “Мог ли я пойти работать в другой регион? Да, мог. Но то, что я делаю здесь, в области, не щадя себя самого, – не факт, что буду делать и в другом месте. Если у меня здесь всё естественно получается, то там я себя буду заставлять и считать дни, когда вернусь на свою малую родину”.

И жена Артамонова Зоя Иосифовна, как и он сам, “немодная губернаторша”. Нет у неё никакого “своего бизнеса”, никакой зарубежной собственности, и Анатолий Дмитриевич говорит о ней с трогательным простодушием: “Не думаю, что у кого-нибудь ещё из моих коллег жена несёт такую тяжелую ношу. Для того чтобы делать эту работу, надо иметь сердце, которое в рюкзак не поместится. В сфере её внимания – инвалиды, старики, дети, бездомные, пенсионеры – большая половина города”.

Так может рассуждать только подлинный сын русского простонародья, который родился и вырос в селе Красном самого дальнего и бедного района Калужской области. И его отец, и мать были крестьянами-колхозниками советской эпохи.

Отец в 16 лет ушёл на фронт и вернулся в родное село в 1945 году, отмеченный орденами, медалями и ранениями, работал плотником, ветеринаром, женился на девушке так же, как и он сам, крестьянского происхождения, которая, как и заведено было в русских деревенских семьях того времени, родила ему шестерых детей. Анатолий Дмитриевич был старшим, и естественно, что хозяйственные и воспитательные заботы, как и положено в многодетных семьях, смолоду легли на его плечи.

Наверное, это непростое и небеззаботное детство и сформировало его характер “старшего в семье”, навыки учителя, воспитателя, наставника. Потому он так охотно разговаривал в начале учебного года и с учениками обычной школы, и школы-интерната, и с молодыми учителями: “Нам нужно вернуть романтику в школу. Каждый учитель обязан помнить о том, что по тому, как сложится жизнь его учеников, когда они вырастут, станет ясно, удалась ли жизнь их учителя... Я радуюсь, когда вижу, что профессия учителя после страшных 90-х наконец-то становится популярной и уважаемой. Я вижу, что юноши и девушки выбирают её ради улучшения нашей общей жизни, и прошу учителей доходчиво объяснять детям, что они живут на замечательной земле”.

Он говорил без бумажки, задушевно, раздумчиво, убеждённо, может быть, вспоминая, как помогал отцу с матерью воспитывать младших братьев и сестёр, как учил их косить траву, кормить корову, колоть дрова, как после окончания школы-восьмилетки в родном селе два года ходил пешком за семь километров в райцентр, в среднюю школу, которую, несмотря на все домашние нагрузки, закончил почти на одни пятёрки.

Вот почему в беседе с Михаилом Щетининым, создателем уникальной школы в Краснодарском крае, Артамонов изложил свои сокровенные мысли о том, какого человека мы должны сегодня воспитывать в школах, чтобы возродить Отечество: “Человек в нашем Отечестве никогда не жил хлебом единым. И нам не реализовать открывающиеся перспективы, если в общественном сознании не будет настрой на труд – на труд во благо не только отдельной персоны или семьи, но и страны. Воспитанием гражданского патриотизма мы просто обязаны активно заниматься. Разумеется, не по американскому образ-

цу: индивид–государство–гегемония в мире. Народ России по сути – это народ коллективистский и самодостаточный. И я не могу не согласиться с вами, что у нас свобода развития личности должна сочетаться с несвободой от духовного родства с теми, кто живёт рядом. Великие победы наших предков достигались их великой дружбой: сам погибай – товарища выручай. Но традиционный коллективизм у нынешней молодёжи сохраняется лишь в генах, а не в сознании. Скажем, моё поколение выросло, близко к сердцу принимая слова песни: “Раньше думай о Родине, а потом – о себе”. А какие песни сейчас трогают сердца наших школьников? XXI век через всемирную паутину интернета пропитывает их индивидуализмом. Этого нельзя не учитывать. Поэтому нам предстоит решить очень сложную задачу: соединить у молодых стремление к личному успеху с неперенным желанием служить общим интересам”.

* * *

На углу улиц Ленина и Дзержинского я остановился перед Доской почёта Калужской области и долго стоял, вглядываясь в фотографии и в скупые подписи под ними. Токарь из Людиново, глава администрации сельского поселения (по старому – сельсовета), доярка, тракторист, заведующая детским садом, акушерка... Все – дети простонародья, как и наш губернатор, который после окончания Московского института инженеров сельскохозяйственного производства вернулся на малую родину, где честно прослужил целых 17 лет, пройдя все этапы социального лифта советской эпохи: заведующий ремонтными мастерскими совхоза, главный инженер совхоза, начальник управления сельского хозяйства... И лишь после такой управленческой школы он стал секретарём райкома КПСС... Наверное, вспомнив своё честное трудовое прошлое, Артамонов пошутил в одном из своих интервью: “У нас в селе говорили, что лошадь, на которой ездит бригадир, пахать не будет!” Ах, если бы все секретари партийных райкомов проходили подобную школу, то в августе 1991 года советская власть смогла бы устоять под натиском ренегатов и перерожденцев!

... Я стоял перед Доской почёта и читал дальше: “Мастер производственного обучения”, “директор Износковской средней школы”, “учитель”, “директор спортивной школы”... Уж не сам ли Артамонов утверждал своей волей и своим педагогическим инстинктом список людей труда, выделяя в первую очередь не банкиров и менеджеров и даже не командиров производства и высокопоставленных управленцев, а учителей и воспитателей – устроителей духа народного?

В конце фотолетописи – изображение с подписью: “Руководитель народного хора русской песни”... Сердце моё ёкнуло. Вы сейчас где-нибудь услышите, чтобы, как в послевоенные годы, по радио или с телеэкрана неслись вечные, возвышающие душу звуки русского мелоса: “Вдоль по улице метелица метёт”, “Меж крутых бережков”, “Из-за острова на стрежень”, “Живёт моя отрада” – всё, что питало мою отроческую душу, вырываясь из чёрной тарелки репродуктора в нашем калужском доме на углу Пушкинской улицы и улицы Циолковского. Мой музыкальный и поэтический вкус складывался в этой стихии, созданной голосами Обуховой, Лемешева, Михайлова, Рейзена... А сейчас всё музыкальное пространство, за редким исключением, забито попсой, нашей и зарубежной. Посмотрите хотя бы передачу “Голос”. Много ли там русской музыки? Потому очень отрадно было увидеть на Доске почёта в моём родном городе фотографию женщины – руководителя ансамбля русской народной песни.

В 1957 году, приехав после университета в сибирский город Тайшет, где калужские комсомольцы строили железную дорогу Тайшет–Абакан, я ходил на работу в редакцию газеты “Сталинский путь” мимо подобной Доски почёта. Я знал в лицо многих из них, работавших на полевых станах, на животноводческих фермах, на лесопунктах, на возведении ажурного железнодорожного моста через Бирюсу. Одно из стихотворений моей первой книжки “Землепроходцы”, изданной в 1960 году в Калуге, было посвящено им:

*Городкам в России нету счёта.
Почта. Баня. Пыль и тишина.
И Доска районного почёта
На пустынной площади видна.*

*Маслом размалёваны разводы,
Две колонки — словно две колоды...
Работёнки, скажем, неказисты
Местных самоучек-кустарей —
Выцветшие каменные лица
Плотников, доярок, слесарей.
Я-то знаю, как они немеют
И не знают, руки деть куда,
Становиться в позу не умеют,
Вот пахать и строить — это да!
Всматриваясь в выцветшие фото,
Все, как есть, приму и всё пойму
В монументах временной работы
Вечному народу моему.*

“В поте лица будешь добывать хлеб свой”, — говорит Священное Писание. Но и завет социализма, в сущности, повторяет смысл вечной истины, хотя и другими словами: “Кто не работает, тот не ест”...

Много воды утекло с той поры в русских реках — и бирюсинской, и окской. И страна давно уже не та, и народ вроде бы другой. Но ведь не случайно же с калужской Доски Почёта, как некогда с тайшетской, на меня глядят лики людей труда! А значит, чувства надежды, любви, веры, самоотверженности не до конца выветрились, и семена их не сегодня, так завтра могут прорасти на нашей почве. Энергия элиты — дело важное. Но без энергии масс осуществить великие исторические проекты переустройства жизни невозможно. История СССР — тому подтверждение.

В 80-е годы мой друг Валентин Распутин произнёс крылатые слова: “Россия переварила социализм”. Глядишь, и капитализм переварит, сделает его, насколько это возможно, при помощи таких людей, как Артамонов, христианским, человечным.

Я перешёл улицу Ленина и очутился в Карповском скверике, прочитал на мраморной доске, что здесь, на месте сквера когда-то стояла церковь Благовещения, сначала закрытая, а потом и разрушенная большевиками. Теперь на этом месте возвышается бюст нашего великого земляка, дважды Героя Советского Союза лётчика Александра Терентьевича Карпова, сбившего во время войны 35 фашистских самолётов. А ведь недаром этот бюст курносого русского парня с бронзовым чубом стоит на фундаменте церкви — как искупление грехов и власти, и народа Великой войны, которая вечно будет называться “священной”. Может быть, и трудовые достижения таких героев нашего времени, как Артамонов, искупят грехи отцов-основоположников *дикого капитализма* и “героев” “великой криминальной революции”.

* * *

Вот что говорит и как думает о русском простонародье его кровный сын Анатолий Дмитриевич Артамонов:

“Сейчас можно слышать из уст многих людей такое странное словосочетание: “в этой стране”. А я никогда не скажу о своей малой родине: “в этом селе”... Я всегда говорю: “в моём селе, в моей области, в моей стране”. Не бывает ни одного дня, чтобы я не вспомнил о своей малой родине”.

“Патриотизм сидит сегодня в любом американце, японце или китайце, а у нас, в России, чувство, что я живу в родной стране и должен сделать всё, чтобы моя страна была самая-самая, — это в последнее время было вымыто из наших мозгов”.

“Если не знать истории своей страны, то не будет источника вдохновения для того, чтобы свою жизнь посвятить Отчизне”.

“Тот, кто не жалеет живота за *други своя*, — тот русский человек ... И тот, кто с иными народами умеет жить в ладу”.

“Меня всегда возмущает, когда ищут только плохие примеры и на этом показывают, каким плохим стал русский человек ... Я вижу, как с каждым годом растёт число молодых людей, которые хотели бы гордиться своей Родиной — Россией. И даже те, кто проживает за границей”.

“Кто-то должен появиться на русской земле, чтобы уже без надрыва, в спокойном соизидании продолжить самоутверждение России как действительного центра спасения всего мира. Я абсолютно уверен: именно России уготована эта участь. Другой такой страны, как наша, нет”.

“Если бы в России стали сегодня заниматься воспитанием патриотизма так же, как в США, все близкие и далекие соседи немедля обвинили бы нас в шовинизме. Поэтому мы стесняемся. Но наша деликатность должна иметь пределы – так логика жизни подсказывает”.

Эти слова Артамонова взяты из его бесед с А. Прохановым, Ст. Куняевым, М. Щетининым. Я знал и знаю многих губернаторов двух последних десятилетий российской истории. Многим из них такие мысли и не приходили никогда в голову. Иным были вообще враждебны. Иные, если и были согласны с подобного рода убеждениями, почти никогда не решались публично высказывать их, поскольку в ельцинскую эпоху патриотизм был объявлен “прибежищем негодяев”. Но сейчас, когда я перечитывал ответы Артамонова именитым собеседникам, то вспомнил чеканную мысль Достоевского о том, что нужно было русскому народу во время смуты и поисков нового исторического пути – в послереформенную эпоху второй половины XIX века: “Самоуважение нам нужно, а не самооплевывание”.

И недаром наш современник – выдающийся педагог Михаил Щетинин – со всей искренностью и прямотой сказал Артамонову не комплимент, а чистую правду: “Вы губернатор со стержнем государственника и широкой душой русского человека”.

* * *

Каково же происхождение “калужской энергии”, объединяющей людей в коллективы и команды, энергии, подобно магниту притягивающей в небогатую область громадные деньги и высококлассных специалистов, энергии, возводящей на месте придорожных пустырей и барахолок синие ангары технопарков, энергии, поднимающей из руин великие монастыри и храмы?

Может быть, это энергия карьеры? Или энергия тщеславия? Или энергия материального интереса?

Много раз Артамонов в своих беседах объяснял, что ни один из этих стимулов не играет решающей роли в его судьбе. А вот к понятиям “долг”, “вера”, “надежда” он относится серьезно.

“Если человек приходит во власть, и у него появилась мысль о собственном благополучии, ему надо сразу сказать: “Ты ошибся”. Оплата труда бывает разной. Кому-то важны деньги, а для меня и моей команды важнее моральный фактор, моральное удовлетворение. Я вообще никогда не скрывал любовь к своей Родине, выше которой быть ничего не может. И для меня принести ей пользу – это высшая награда. На ту заработную плату, которую мы получаем, с голоду ещё никто не умирал. И костюм можно купить, и туфли, и детей одеть-обуть. Всё нормально. А олигархи – они несчастные люди. Я – раб своей работы, но мне это приятно. А он раб своих денег – это гораздо хуже” (из интервью газете “Завтра”).

А в разговоре с телеведущей Светланой Гордеевой он вспоминает свою поездку в северо-западный Китай, где люди в 1997 году жили в “лачугах и пещерах” вдоль речных берегов и оврагов, но знали, что они догонят по уровню жизни свои высокоразвитые южные провинции: “Бедняки из пещер и лачуг в это верили”, – восхищается Артамонов, и вера их оправдалась. В том же интервью Анатолий Дмитриевич с грустью добавил: “Может быть, глядя на трудолюбивых китайцев, мы тоже вспомним времена, когда трудились с большим усердием”. Может быть, при этом он вспомнил стихи Маяковского о строителях Кузнецка, которые, подобно китайцам “в пещерах и лачугах”, укрываясь под телегой от холодного дождя, шептали: “Через четыре года здесь будет город-сад”, – или вспомнил своего отца, возродившего жизнь из руин, оставленных поколению победителей страшной войной.

В этой же беседе с Гордеевой наш губернатор не случайно, но тактично и твёрдо вспомнил, что китайцы могут по-разному оценивать деятельность Мао Цзедуна, но портрет его на главной площади Пекина висит. И никто никаких разговоров не ведёт, чтобы его убрать, – других дел у всех много.

Я думаю, что это своеобразный ответ Артамонова либеральным болтунам и демагогам, вот уже тридцать лет ведущим разговоры о выносе тела Ленина из Мавзолея, а также ответ устроителям праздников, закрывающим во время торжеств на Красной площади гениальное творение зодчего Щусева со словом “Ленин”, врезанным в красный гранит...

Артамонов уважает и ценит историю Отечества такой, какой, по словам Пушкина, “дал её нам Бог”, и говорит об этом с подкупающей прямоотой: “Человек, который не видит заслуг предшественников, — это пустой человек. У него самого никаких заслуг не будет”.

Да, Артамонов умеет извлекать всевозможную пользу из рыночной жизни и из *рыночной демократии*. Но одна из самых высокохудожественных бронзовых скульптур Ленина, поставленная в городе в 30-е годы, стоит в Калуге на площади Старый Торг перед губернаторской резиденцией.

А когда профессор Ицхак Адизес в разговоре с Артамоновым начал говорить нечто легкомысленное и потому несправедливое о советской эпохе, Артамонов мягко и решительно поправил его: “Я не готов с вами согласиться, что корни затронутой проблемы все в прошлом. Вот вы доказывали на вчерашнем тренинге, что одним из факторов экономического успеха является вовлечённость всех людей в общую работу, в общее дело. И я вспомнил кинохронику сталинских десятилетий. Да, тогда был тоталитаризм, а последствиях которого вы говорите. Но тогда же на улицах было огромное количество весёлых людей, которые неподдельно радовались жизни. Это было не всегда и не у всех. Но было же! Мне кажется, что в сегодняшней нашей жизни, в сегодняшнее наше время нам как раз не хватает вовлечённости людей в общие процессы. И они не чувствуют радости от сделанной работы, потому что каждый — и богатый, и бедный — работает лишь на себя: а какая радость поодиночке?”

Удивительно точная характеристика нашего времени, после которой Адизес сказал Артамонову, что тот — своеобразный миссионер: “По моим исследованиям, самая лучшая мотивация — это миссия, цель... Я уверен, что у вас лично есть энергия цели...”

Иногда эта энергия цели придаёт словам Артамонова предельную убедительность, особенно когда он говорит о социальной справедливости, необходимой для будущего России: “В нашей стране прошла *прихвятизация*, приватизации у нас не было. Кто у нас является собственниками так называемых отечественных предприятий? Ни одного случая я не знаю, чтобы предприятиями владели группы рабочих или начальников цехов. В одночасье собственниками предприятий становились, как правило, бывшие их директора. Что они делают дальше? Вот владелец “Автоэлектроники” Андрей Виленович Перчан продаёт её иностранной компании. Спрашивается: это он построил данное предприятие? Нет. Почему же деньги от продажи предприятия должен положить в карман именно он, а не рабочие?”

Владелец завода “Стройполимеркерамика” Мамбетшаев Саит Ваитович продаёт испанцам это крупнейшее предприятие по производству строительной керамики: фаянс, кирпич — 80 млн штук в год, — некогда построенное Министерством среднего машиностроения. Теперь представьте: я иницирую вложение средств в эти предприятия. А через пару месяцев они ещё бы дороже продали их вместе с вложенными народными деньгами. Ликёроводочный завод — одно из лучших предприятий было в Советском Союзе! — сегодня вообще прекратил своё существование, потому что собственник продал его жулику, который завод разорил и теперь пытается нам продать его помещения, землю”.

Родовая травма “великой криминальной революции” до сих пор кровит на теле России, и это не даёт покоя одному из лучших её губернаторов.

Несколько лет назад мы беседовали с Артамоновым о трагедии нашего сельского хозяйства, и я напомнил ему его же слова: “Немалая часть калужских земель превратилась в товар для спекуляции, а где-то — просто в омертвелую недвижимость, и сегодня мы уже не можем людям, желающим заниматься сельским хозяйством, предложить свободные земли, мы тратим усилия на поиски инвесторов, уговариваем их вложить деньги в простаивающие сельхозугодья, но хозяин, не склонный хозяйствовать на земле, отказывается её продавать по приемлемой цене. Стыдно: у нас столько земель, а мы покупаем продовольствие. А ведь почему мы стали экспортировать зерно? Мы поубивали своих коров, некого стало кормить, нет своего скота, вот и стали

вывозить зерно. Я подозреваю, что люди, которые имеют влияние в Москве, в том числе и в Госдуме, нахватали, применю это слово, пахотной земли, и им теперь надо добиться, чтобы её разрешили перевести в земли иных категорий, тогда она сразу на несколько порядков вырастет в цене”. “Многие земли находятся в собственности людей, зачастую иностранцев, которые никогда не собирались и не собираются их обрабатывать, но сидят на них, как собака на сене. В Калужской области, например, один гражданин Израиля владеет громадными земельными ресурсами, которые он получил, купив когда-то у крестьян паи. И с тех пор он просто ждёт повышения капитализации этих земель, и не напрасно. Стоимость земель растёт, а человек, ничего не делая, ежегодно богатеет”.

“Если Вы действительно этого хотите, я начну говорить всю правду об итогах приватизации – ту правду, о которой люди зачастую не знают. Момент истины настаёт” (из бесед А. Д. Артамонова с А. Прохановым, Ст. Куняевым, М. Абельян).

Вспоминаю ещё одну его реплику на эту тему: “Слава Богу! Удалось вернуть три тысячи гектаров прекрасной пахотной земли, которой в лихие девяностые завладел Андрей Кончаловский. Завладел, а в дело не пустил. Заросла земля кустарником. Но ничего, возродим...”

С такой откровенной смелостью о разорении колхозов и о преступлениях наших “младореформаторов” по отношению к земле и крестьянству не говорил, пожалуй, ни один человек из высших эшелонов власти.

* * *

Обсуждая все эти горячие вопросы, вспоминая коллективизацию и все её и страшные, и благотворные последствия для истории Отечества, мы с Николаем Анисиним – советником губернатора – сидели за чаем вместе с Анатолием Дмитриевичем. Речь шла и о “Тихом Доне”, и о гражданской войне, ну и, конечно, о ГУЛаге и об энергетике сталинской эпохи. О том, чего было в ней больше – принуждения или добровольного самопожертвования, с помощью каких сил она творила чудеса развития страны, когда производительность труда в СССР ежегодно вырастала аж на 16 процентов!

В связи с разговором за чаем я вспомнил крестьянского сына, знаменитого поэта Виктора Фёдоровича Бокова, которого знал весьма близко, и рассказал о его судьбе Анатолию Дмитриевичу.

Виктор Боков, доживший до 95 лет и умерший в 2010 году, во время войны учился в офицерском училище, но во время учёбы за какие-то лишние разговоры вместо того, чтобы попасть в звании младшего лейтенанта на фронт, очутился в Кемеровских лагерях, где написал несколько стихотворений, проклинающих Сталина. Но когда я в год его 90-летия приехал к нему в Переделкино за стихами, он попросил меня напечатать новые стихи о Сталине, где были строки:

*Я жил при нём, при нём сидел и строил,
Я понимал, что мне не жить в раю,
Прости мне, вождь, что я побеспокоил
Бессмертную фамилию твою.*

А второе стихотворение заканчивается так:

*Что случилось со мной — не пойму,
От ненависти перешёл я к лояльности.
Тянет и тянет меня к нему,
К его кавказской национальности...*

И это было написано поэтом, чья молодость прошла в эпоху беспощадной коллективизации! Но поскольку за нашим чайным столом речь зашла и о ГУЛаге, о том, что многие люди, прошедшие эту школу жизни, по возвращении доживали чуть ли не до ста лет (“естественный отбор” – сказал губернатор), то я вспомнил стихотворение Бокова о том, как он жил и трудился в неволе, как пересказывал в бараке уголовникам по вечерам после тяжких

земляных работ то роман “Красное и чёрное” Стендаля, то “Евгения Онегина”, то “Героя нашего времени”.

Видя интерес Анатолия Дмитриевича к моему рассказу, я после некоторого колебания решил и прочёл ему лагерное стихотворение Бокова:

*Моё сибирское сиденье
Не совершило убиенья
Моей души, моих стихов,
За проволокой месяц ясный
Не говорил мне: “Ты несчастный!” —
Он говорил мне: “Будь здоров!”*

*Бывало, сердце под бушлатом
Стучало, словно автоматом,
Тянулись руки за кайлом.
Земля тверда, но твёрже — воля.
Бывало, на коленях стоя,
Я в землю упирался лбом.*

*Я в уголовном жил бараке.
Какие там случались драки,
Как попадало мне порой!
Но всё ж ворьё меня любило,
Оно меня почти не било,
И кличку я имел “Герой”.*

*Рассказывал я горячо им.
В барак за мною шёл Печорин,
Онегин и Жюльен Сорель.
Как мне преступники внимали,
Как спящих грубо подымали:
— Кончай храпеть! Иди скорей.*

*Ах, Родина! Сибирь с бушлатом!
Меня ты часто крыла матом,
Но и жалела... Бог с тобой!
Скажи, стоят ли наши вышки,
И все ли на свободу вышли,
И все ль вернулись домой...*

Артамонов пришёл в восторг, захлопал в ладоши, подошёл ко мне, обнял за плечи... Я никогда не видел его в таком воодушевлённом состоянии. Но что могло так привлечь его в этом стихотворении? Скорее всего, он понял, что даже в жутких условиях лагерной жизни русский человек не падал духом, не впадал в отчаяние, не терял волю к жизни, жил верой и надеждой на лучшее будущее, сострадал своим товарищам по несчастью, жил человеческими, а не античеловеческими чувствами, христианским терпением и невольным братством со своими соседями по нарам, жестокие души которых смягчались, когда они слушали рассказы молодого поэта о трагических судьбах Печорина, Онегина и Жюльена Сореля... Ну, разве можно себе представить, чтобы такие своеобразные душевспасительные уроки литературы могли происходить в сегодняшних лагерях?

При всём своём прагматизме, при всей своей деловитости Артамонов в глубине души знает и любит русскую литературу. Наверное, в Хвостовичской школе этот великий для нашей школы предмет ему преподавала толковая, знающая дело учительница.

Однажды во время встречи с Анатолием Дмитриевичем мы разговорились о некоторых особенностях жизни и быта калужских деревень, и я вспомнил о том, как в рассказе “Хорь и Калиныч” Иван Сергеевич Тургенев, можно сказать, прославил наших земляков, с которыми много раз встречался во время своих охотничьих скитаний по жиздринской земле.

“Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей Орловской губернии и Калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живёт в драных осиновых избёнках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дёгтем и по праздникам ходит в сапогах. Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращённого в грязный пруд. Кроме немногих раки, двух-трёх тощих берёз, деревца кругом на версту не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тёсом; ворота плотно запираются, плетень на задворье не размётан и не вывалился наружу, и не зовёт в гости всякую прохожую свинью...”

Услышав в моём пересказе эти мысли, Анатолий Дмитриевич, сын калужской деревни, пришёл в восторг:

— А сейчас я вас, Станислав Юрьевич, познакомлю с мыслями о Калужской земле ещё одного писателя, имя которого вы, может быть, и не слышали. — Он встал из-за стола, подошёл к книжному шкафу, быстро отыскал какой-то свиток, скрученный из плотного листа бумаги, и прочитал с особым волнением:

“Не нужно быть очень большим учёным, обладать большими научными, этнографическими и топографическими знаниями, чтобы при самом беглом обзоре благодатной Калужской губернии убедиться, что это самое красивое, самое благодатное и целебное, в точном смысле этого слова, местечко центральной России. Высоко стоит Калужская губерния по отношению к другим”.

— Кто же это написал и когда? — удивился я.

В ответ губернатор протянул мне факсимильную страничку из старинной, зачитанной и весьма затрёпанной книги. В конце страницы стояли слова: “В. П. Быков, писатель-богослов, “Тихие приюты” 1913 г<од>.”

— Возьмите на память!

Я вставил в рамку этот драгоценный листок из книги, изданной ровно сто лет тому назад, и он висит у меня на стене моей калужской квартиры.

Именно такие чувства любви к своей Родине, восхищения ею и её людьми и рождает энергию, которая воплощается в инвестиции, в экономические успехи, в сверкающее возрождение монастырей и храмов.

Недавно на валдайской встрече Владимир Владимирович Путин на вопрос Александра Проханова, что он понимает под проектом “Россия”, ответил:

— Россия не проект, Россия — судьба!

Для таких людей, как Калужский губернатор, Россия — тоже судьба.

* * *

На совместном заседании Правительства и федеральных чиновников, которое проводится с раннего утра по понедельникам, губернатор сразу же погружается в пучину срочных дел.

— Что такое местная и федеральная пресса в жизни области? Как идет уборочная страда? Каковы надои от одной коровы? Сколько заготовлено на зиму кормов? В каком состоянии находятся школы области в канун нового учебного года?..

А когда губернатор узнал, что в Кондрово в “интересах бизнеса” обанкротилась бумажная фабрика, принадлежащая структурам олигарха Дерипаски, а в результате закрывается теплоэлектростанция, и часть жилого фонда может остаться без отопления, а на носу зима, то возмущению его не было предела:

— Ни в коем случае нельзя ставить людей в такие условия! Жаль, что Дерипаска принимает меня за несерьёзного человека. Я сказал ему, что его управленцы, которые управляют его предприятиями в Калужской области, довели их до ручки, рабочих вышвырнули на улицу. Я ему сказал, что его люди жулики... Подключайте прокуратуру!

Чуть ли не по каждому вопросу губернатор высказывает свои соображения, которые всегда точны и конструктивны. Калужские туристы попали на Крымской земле в аварию, некоторые лежат в Севастопольской больнице. Губернатор предельно озабочен: надо пострадавших людей доставить в Калугу. Подключайте службу соцзащиты. Не будем нищенствовать.

– Старая женщина, которая была в детстве узницей фашистских лагерей, сейчас живёт в полуразвалившейся избе, – докладывает один из чиновников. – Но по закону, поскольку она не была участницей войны, улучшить её жилищные условия невозможно – так решили местные власти. – Услышав это, губернатор разволновался:

– Да, есть наши обязательства по закону, но есть ещё и человеческие обязательства, есть ещё кодекс милосердия. Давайте и поступать по его неписаным правилам...

Кто-то из чиновников пожаловался, что журналисты нередко извращают факты и несправедливо обвиняют губернские и местные власти во всяческих грехах. Губернатор отвечает не задумываясь:

– Если считаете, что они не правы, – подавайте в суд. Журналисты должны знать не только о своих правах, но и об ответственности за свои слова.

* * *

Помню послевоенные церкви, мимо которых я ходил через всю Калугу от Загородного Сада до 9-й железнодорожной школы. Я шёл мимо этих пустых, ободранных, зияющих проёмами чёрных окон церквей, таинственных и в то же время величественных в своём поругании. В храме Бог поруганным не бывает. Мы любили лазить по их полуразрушенным сводам, разглядывали остатки ликов и фигур на стенах и куполах, озирали городские зелёные кварталы с высоты обесчещенных колоколен, на которых не было крестов. Но, право, в храмах, заросших травами и кустарниками, была своеобразная выстрадавшая святость...

Помню, что я, читая книгу Сергеева-Ценского “Севастопольская страда”, наткнулся на описание того, как жители Севастополя праздновали какую-то локальную победу во время обороны города и в честь неё “колокольный звон стоял в Севастополе, как в Калуге на Пасху...” Ещё бы, ведь в городе моём перед революцией было около сорока церквей... Сначала по пути в школу я проходил мимо единственной работавшей в те годы Георгиевской церкви. Совсем близко от неё на углу Пушкинской и Смоленки стояла коробка церкви Одигитрии, без колокольни и без куполов, превращённой в общежитие, где и на первом, и на втором этажах тянулись длинные коридоры с комнатами по правую и левую руку. Третьим храмом на моём пути было Оптинское подворье, стоявшее на Смоленке – улице, спускающейся от Одигитриевской вниз к Оке. Перейдя через Каменный мост, я выходил к парку культуры имени Горького, в котором стояли изумительные по красоте руины Троицкого собора; а если я поворачивал голову влево, то взор мой упирался в церковь Покрова на рву, превращённую в громадную инкубаторную фабрику. Итак, я прошёл уже пять храмов! Но пройдя площадь Старый Торг с Гостиными рядами, я, обращая свой взор в начало улицы Революции, видел церковь Святого Никиты (где крестили моего деда по матушке), превращённую в кинотеатр “Пионер”, а повернувшись к Оке, мы разглядели за домами скульптурную фабрику, разместившуюся в Никольской церкви. Как сквозь строй, я прошёл мимо семи храмов, и уже школа недалеко, но ещё один остов стоит на моём пути рядом с кирпичной стеной, построенной будто бы для того, чтобы вести в Калуге уличные бои, когда в город войдут немецкие танки, а внизу, у самой реки, я вижу, как поблескивают золотом купола женского монастыря, превращённого в архив, а на улице Луначарского, если свернуть туда от кирпичной “противотанковой стены”, стоит ещё одна церковь, превращённая в кухню детского питания; вот уже и моя школа, бывшая гимназия, где преподавал Циолковский, и прямо напротив неё – храм Благовещения...

Итого, пока я дошёл до школы, я прошёл мимо одиннадцати церквей! Для чего я это вспоминаю? Да для того, чтобы поклониться Анатолию Дмитриевичу Артамонову с благодарностью, потому что именно за время его губернаторства все эти святые руины, за исключением церкви Одигитрии, возрождены, расписаны современными мастерами, сверкают новыми иконостасами, за то, что по праздникам в них молится православный народ, священники совершают таинства и требы, а колокольный звон в Калуге по праздникам вновь стоит, как в Севастополе времён Крымской войны, описанной Сергеевым-Ценским в романе “Севастопольская страда”.

“Я верующий человек”, – сказал Артамонов в одном из своих интервью. А вера, как и любовь, подтверждается делами.